

ГЛАВА XX

Дик Бейкер и его кот. — Особенности Тома Кварца. — Небольшая экскурсия. — Возвращение. — Кот с предрассудками. — Пустые карманы и бродячая жизнь.

Был у меня там один приятель — простодушный и положительный Дик Бейкер, карманный старатель в ущелье Дохлой Лошади, — еще одна жертва восемнадцатилетних напрасных усилий и несбывшихся надежд. Это была кроткая душа, терпеливо несущая свой крест в томительном изгнании. Сорока шести лет от роду, он был сед, как крыса, нрава серьезного и глубокомысленного, не слишком обширных познаний, одевался несколько небрежно и всегда бывал покрыт с ног до головы глиной; сердце же его было из самого чистого золота — такого ему никогда не удавалось видеть на

своей лопате, да и вообще такого не сыщешь ни в россыпях, ни на монетном дворе.

Всякий раз, как его постигала неудача, он впадал в минорное настроение и принимался оплакивать гибель своего замечательного кота. (Там, где нет женщин и детей, мужчина с любвеобильным сердцем непременно заводит себе какое-нибудь домашнее животное — нужно же кого-нибудь любить!) Он так рассказывал об удивительной мудрости этого кота, словно в глубине души подозревал в нем какие-то человеческие, а то и сверхчеловеческие свойства.

Мне как-то довелось слышать его рассказ об этом коте. Вот что он рассказал:

— Джентльмены, был у меня некогда кот по имени Том Кварц, я думаю, что вам бы понравился этот кот, — да и кому бы он не понравился! Он у меня тут жил восемь лет, и более замечательного кота лично я не встречал в своей жизни. Это был большой серый кот, умнее любого старателя в нашем поселке; а уж важен был — сам губернатор Калифорнии не посмел бы с ним шутки шутить! В жизни он не поймал ни одной крысы — считал это ниже своего достоинства. Его интересовало только одно — золото. И уж в этом деле кот мой знал толк, как никто, — лично я, во всяком случае, не встречал ему равного среди людей. Он знал все, что можно знать о плацерной добыче, о карманной же и говорить нечего — он был создан для нее. Он копался в земле вместе со мной и Джимом, когда мы занимались разведкой на горе, и отмахивал с нами по пять миль зараз, если нам случалось забираться так далеко. А насчет участков — это просто невозможно вообразить, какое у него было чутье! Мы, бывало, начнем работать, а он этак поведет глазом и, если ему не приглянется местечко, только посмотрит: как хотите, дескать, а мне тут некогда с вами — и, ни слова не говоря, задерет нос и — домой. Зато если уж ему понравится участок, затаится весь да помалкивает, куда мы не промоем первый таз. А потом бочком-бочком к нам — взглянуть: если в тазу осталось хоть шесть-семь крупинок золота, с него довольно, такая проба его вполне устраивала; он укладывался на наши куртки и давай храпеть, как пароход; а если доберемся до са-

мого кармана — тут он, конечно, встает и уже сам наблюдает за порядком. Наблюдать-то он был горазд.

Ну вот, тут вдруг подходит вся эта кварцевая горячка. Все на нее поддались и давай долбить да взрывать землю, вместо того чтобы раскапывать верхний слой по склонам; шахты копать, вместо того, чтобы скрестись на поверхности. Джим, конечно, туда же — подавай ему жилу, и все. Занялись, значит, и мы этим делом. Начали мы копать шахту, а Том Кварц только диву дается — что, дескать, такое затевается? Ему, понимаете, никогда не приходилось видеть, чтобы золото добывали таким способом, — и он совсем расстроился, не принимает его душа этого, да и только, не по его это части, словом. Очень он был против этих шахт! Верно, считал это совсем уж никудышной затеей. Ну, да этот кот, понимаете, терпеть не мог никаких новшеств — такая натура. Да вы сами знаете, каково со старыми привычками расставаться. Ну все же со временем начинает наш Том Кварц мириться с новым положением дел, хотя, правду сказать, не одобрял он этого вечного копанья шахты без всяких промывок. Наконец он начал и сам спускаться в шахту — дай, мол, попробую разобраться, что у них там такое. А когда уж очень ему тошно сделается и на душе этак кошки заскребут, — он-то видел, что долги у нас растут, а мы между тем и цента не намываем! — возьмет да свернется где-нибудь на рогожке и спит себе. Ну вот, как-то, когда в шахте нашей было футов восемь глубины, порода дальше оказалась такой твердой, что нам пришлось ее взрывать, — это был наш первый взрыв, с тех пор как Том Кварц появился на свет. Зажгли мы фитиль, сами вылезли и отошли шагов на пятьдесят, а про Тома Кварца-то и позабыли — он крепко спал на своей рогожке. Примерно через минуту смотрим — из ямы нашей повалил дым, поднялся треск страшный, этак с четыре миллиона тонн камня, земли, дыма и щебня поднялось на воздух мили на полторы, а в самой что ни на есть середке всей этой истории Том Кварц, черт его возьми, — и кувыркается-то он, и чихает, и сопит, и все когтями норовит за что-нибудь зацепиться, чисто сумасшедший. Но толку-то, сами понимаете, никакого. Потом целых еще две с половиной минуты мы его вовсе не видели, и вдруг как

посыпятся градом камни там и порода, и тут же, футах в десяти от меня,—хлоп! — падает Том. Можете мне поверить — вид у него был невзрачный. Одно ухо загнулось куда-то на спину, хвост торчком, веки повывернуты, сам аж почернел от дыма да пороха и весь с головы до кончика хвоста покрыт жидкой грязью. Что ж, сэр, извиняться, сами понимаете, уже поздно — сказать нам было нечего. Он как бы с отвращением окинул себя взглядом, затем посмотрел на нас, точно-точно словно хотел сказать: «Джентльмены, вам, может быть, кажется это остроумным — воспользоваться неопытностью кота в кварцевом способе добычи золота, однако позвольте мне иметь на этот счет свое особое мнение». И тут же повернулся на каблуках, марш домой, и ни слова больше!

Уж такой он был. Хотите верьте, хотите нет, а только такого убежденного врага кварцевых разработок, каким после этого сделался Том Кварц, вы никогда среди кошек не встретите! Со временем он снова стал спускаться в шахты,— вот когда вы подивились бы его уму! Только мы начнем взрывать, чуть фитилек затрещит, он уже на нас глядит — дескать, вы уж меня извините, я пойду,— и с невероятным проворством вон из шахты, да на дерево! Скажете, ум? Нет, не ум, а чистое вдохновение!

— Что и говорить, мистер Бейкер,— сказал я,— предубеждение вашего кота против кварцевой добычи поистине поразительно, в особенности если вспомнить, каким образом оно сложилось. Но неужели вам так и не удалось перебороть в нем этот предрассудок?

— Какое там! Уж коли Том Кварц на чем уперся — конец: вы его хоть три миллиона раз взрывайте на воздух — все равно уже не выбьешь у него этого злосчастного предубеждения против кварцевых разработок.

Никогда не забуду лица Бейкера, сиявшего гордостью и любовью, когда он распространялся о непреклонном характере своего смиренного друга давно минувших дней.

Прошло уже два месяца, а мы так и не напали на карман. Мы снимали пробы по всем склонам, и они уже стали походить на вспаханное поле; но даже если бы мы засеяли эти поля, у нас не было бы возможности доста-

вить снятый урожай на рынок. Не раз наши пробы воодушевляли нас, но когда после промывки мы принимались с тоской и надеждой копать глубже, карман, который, по нашим расчетам, должен был там быть, оказывался таким же пустым, как наши собственные. Наконец, взвалив на плечо кирку и таз, мы отправились дальше в горы, попытать новые места. Три недели мы копались в Анджеле-Камп, в округе Калаверас, но безуспешно. Затем мы бродили в горах, ночуя под деревьями; погода стояла теплая, но капиталы наши выдохлись, как осенние розы. Читатель извинит мое бедное остроумие: как бы то ни было, оно находится в трогательной гармонии с нашими тогдашними обстоятельствами, когда мы сами были так бедны. В соответствии с местным обычаем, дверь нашей хижины, когда мы вели оседлый образ жизни, никогда не закрывалась, и странствующие старатели всегда находили в ней кров и пищу—забредали же они чуть не каждый день, прислоняли свои лопаты к косяку двери и ели с нами что бог послал; зато и мы теперь всюду встречали самое радужное гостеприимство.

Куда только не забирались мы в наших странствиях! Я мог бы дать читателю красочное описание гигантских деревьев и всевозможных чудес Йосемитской долины, но читатель не причинил мне ни малейшего зла, за что же мне его мучить? Пусть менее щепетильные путешественники терзают его — тогда он, быть может, помянет меня добрым словом. За неимением прочих добродетелей, буду хотя бы милосерден.

ГЛАВА XXI

К Сандвичевым островам. — Три капитана. — Старый адмирал. — Его режим дня. — Легкие победы. — Неожиданный противник. — Победитель провозглашен героем.

После трехмесячной отлучки я вновь оказался в Сан-Франциско без единого цента в кармане. Когда мне уже положительно негде стало занимать (в вечерних газетах не было вакансий, а я настолько уже опустился и обленился, что в утренней газете работать не хотел), я сделался сан-францискским корреспондентом газеты